

АЛЕКСЕЙ
КСЮНИН

НАРОД
НА ВОЙНЕ

RUGRAM

Москва

2025

УДК 355/359

ББК 68.4

К86

Ксюнин А. И.

К86 Народ на войне / А. И. Ксюнин. — М. : RUGRAM, 2025. — 196 с.

ISBN 978-5-517-13436-3

«Полтора века назад живое тело Польши было растерзано на куски, но не умерла душа ее. Она жила надеждой, что наступит час воскресения польского народа, братского примирения его с Великой Россией...»

Слова Верховного Главнокомандующего читали в костелах, в них уверовали и широко распахнули давно не открывавшиеся окна.

С лучами яркого солнца и июльской теплотой, с ароматом акаций ворвалась русская солдатская песня и восторги толпы...

По улицам Варшавы проходили войска.

Их осыпали цветами... Солдат оделяли папиросами, шоколадом — всем, что попадалось под руки.

— Как вы относитесь к войне? — обращались с официальным вопросом к старым полякам...

— Вместо ответа:

— Мы послали на войну своих сыновей...

Трудно сравнивать нашего и немецкого солдата. Оба войну ведут — оба умирают. Но в нашем поражает полное непротивление, написанная на лице бесповоротность, решимость до конца исполнить долг свой и никакого геройства.

Так надо, иначе и быть не может.

Одно слово — война...

УДК 355/359

ББК 68.4

BIC FC

BISAC FIC000000

© RUGRAM, оформление, 2025

© Т8 Издательские технологии,
оформление, 2025

ISBN 978-5-517-13436-3

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЮБЛИН — ГАЛИЦИЯ	9
К ВАРШАВЕ И ОБРАТНО.....	36
ПРАСНЫШ.....	88
В АВГУСТОВСКИХ ЛЕСАХ.....	120
В КАРПАТАХ.....	124
ЛЬВОВ И ПЕРЕМЫШЛЬ.....	142
СТАРЫЕ ГОРОДА	154
ТЯЖЕЛЫЕ ДНИ	170
СТИХИЯ	179
ПОД РИГОЙ.....	187

Подвигам и служению русского солдата.

Автор

Через Варшаву проходили солдаты.

Война уже началась. Немцы переступили границу и сразу прославились на весь мир Калишем и Ченстоховым. Ударили поляков по больному — оскорбили святыню, расстреливали безоружных...

Друг познается в тяжелые дни, и с первыми выстрелами у пределов Царства Польского поляки и русские почувствовали в себе славянина и пошли воевать вместе — родными братьями.

«Полтора века назад живое тело Польши было растерзано на куски, но не умерла душа ее. Она жила надеждой, что наступит час воскресения польского народа, братского примирения его с Великой Россией...»

Слова Верховного Главнокомандующего читали в костелах, в них уверовали и широко распахнули давно не открывавшиеся окна.

С лучами яркого солнца и июльской теплотой, с ароматом акаций ворвалась русская солдатская песня и восторги толпы...

По улицам Варшавы проходили войска.

Их осыпали цветами... Солдат оделяли папиросами, шоколадом — всем, что попадалось под руки. Прилавки в цукернях опустошались вмиг — раскупали и бежали за солдатами...

— Как вы относитесь к войне? — обращались с официальным вопросом к старым полякам...

— Вместо ответа:

— Мы послали на войну своих сыновей...

Первые недели...

Русские победно продвигались в Восточной Пруссии. Ослабили удар на Париж.

Потянулись поезда с ранеными, с нашими привозили и врагов, и в них узнали познанских поляков.

— Свои...

Трагедия Польши. Разделенные на трое, ее дети, исполняя присягу, сражались против себя, против своих.

В длинном пакгаузе усаживают раненых. Всех кормят и поят, не делая различий.

Угрюмый солдат в немецкой каске долго молчит, отказывается, потом прислушивается к польской речи, опускает на руки голову и судорожно рыдает:

— Родные слова... Зачем обманули, проклятые пруссаки...

По улицам Варшавы проходили солдаты.

На Краковском у костела один задержался. Его поджидала женщина с ребенком. Остановился, погладил девочку по голове, посмотрел долго и пристально и, когда женщина перекрестила, скорее зашагал — догонять роту.

Народ благословлял своих воинов...

ЛЮБЛИН — ГАЛИЦИЯ

ЛЮБЛИН

Все спешат на Люблин. Немцы в двадцати верстах от города, и около него пульс войны.

Поезда идут медленно, их много, и одноколейная дорога с трудом пропускает их. На станциях стоят подолгу, и никто не знает, когда пойдет поезд.

На платформах и в низких станционных буфетах только военные. Наскоро закусывают, пьют чай, делятся впечатлениями, новыми и яркими, совсем непохожими на нудные и тусклые разговоры недавних дней.

— Пленные австрийцы не верят в зверство своих союзников, — рассказывает раненый офицер. — Не допускают, чтобы можно было убивать раненых и издеваться над мирным населением. А я вам скажу, что наш отряд отбил двадцать русских пленных и они дали под присягой показание. Немецкие сестры добывают наших раненых... Это видели те, которых считали убитыми. На их глазах сестра, называющаяся «милосердной», подходила к русским раненым, нагибалась к ним и ножом перерезывала горло...

В вокзальную комнату вводят троих пленных. Два австрийских офицера и пруссак. Они усаживаются за стол и, окруженные любопытными, просят ужинать. Австриец без церемонии объясняет, что два дня не ел, был в разъезде, сухари вышли, а на деревню заезжать боялись. Рыли картошку и пекли в золе.

За другим столиком кадет в обществе казаков. Удрал из Москвы, добрался до Варшавы и едет туда, «где передовые позиции».

— Только непременно с казаками — они лихо дерутся.

А у самого под рукой жестянка с леденцами и плиточки шоколада.

* * *

Стоим на станции. Близится ночь. Чистое, спокойное небо. Кругом загораются звезды, и не верится, что под этим глубоким и открытым небом идет война, несущая смерть. Так мирно и тихо.

В заднем вагоне кто-то наигрывает на балалайке. Доносится ржание лошади. Будто сорвалась и несется одна, без всадника. За лошадью погнались и привели. По привязанному к седлу ружью и рыжей меховой сумке с припасами узнали, что австрийская.

— Унеслась из подстреленного разъезда, — высказывает свое предположение офицер.

Маленький черный прапорщик суетится, вызывает «старших» из вагона, объясняет, что ночью надо быть начеку, что Люблин уже недалеко.

— Дежурные, по местам... — выкрикивает он команду, и голос его, тонкий и резкий, как будто пронизывает воздух и застревает где-то в темноте.

— Слышишь!... — перекликаются солдаты.

Поезд стоит в поле. Где-то далеко у платформы светится одинокий огонек...

Думали, к утру будем в Люблине, а проснулись — все стоим на том же месте. От нечего делать пошли на деревню.

Хаты польских крестьян перемешиваются с домами немецких колонистов. Живут хорошо. Комнаты чистые, с мягкой мебелью, с кисейными занавесками, со множеством цветов на окнах.